

Мир Дикого Запада

Участники проходившего в рамках ПМЮФ-2019 III Международного форума по банкротству затронули одну из наиболее злободневных тем отечественного банкротного сообщества — проблему поиска адекватного подхода к ответственности арбитражных управляющих, в силу профессии вынужденных существовать в условиях всеобщего конфликта интересов. О тенденции ужесточения ответственности арбитражных управляющих, висящем над ними дамокловом мече и об особенностях банкротства в западных юрисдикциях рассказывает партнер юридической компании PKT **Владимир Бубликов**.

— банкротство —

Завершился IX Петербургский международный юридический форум. Какая тема стала главным его лейтмотивом? Что чаще всего обсуждалось на пленарных заседаниях, дискуссионных столах, бизнес-завтраках и в кулуарах? Кто-то вспомнит изменения в закон о банкротстве, роль форума, выступление председателя правительства, министра юстиции РФ. Но на мой взгляд, ключевой темой форума стала ситуация, сложившаяся вокруг корпуса арбитражных управляющих (АУ). Теме было посвящено несколько мероприятий, в том числе пленарное заседание по ответственности АУ.

Столь большое значение роли АУ на наш взгляд, придают потому, что на сегодняшний день среди участников банкротных дел не найти фигуры, страдающей сильнее, чем АУ, и заведомо виновной во всех плохих событиях и поступках. В чем же причина страдания?

Вероятно, она кроется в некоем предвзятом отношении, когда остальные участники дела о банкротстве заведомо полагают, что АУ ведет дело в своих интересах и скрывает при любой возможности возможность — потому-то его заранее делают крайним во многих вещах. Выражается это в том, что за последние несколько лет законодательство в части ответственности АУ ужесточилось на несколько порядков. Это и дамоклов меч, висящий над всеми АУ: введенная в Кодекс об административных правонарушениях ответственность

в виде дисквалификации за повторное доказанное судом нарушение законодательства о банкротстве со стороны АУ, когда Росреестр (при повторном обращении в суд, при повторном удовлетворении жалобы на него) может применить последствия в виде дисквалификации на срок от полугода до двух лет. Это и ужесточение законодательства об убытках, вольно или невольно нанесенных арбитражным управляющим. Кроме того, на протяжении трех последних лет растет количество заявлений о привлечении АУ к ответственности в виде убытков, сумма этих убытков также ежегодно возрастает.

Справедлива ли эта картина? Наверное, не вполне, особенно если учесть тот факт, что оказываемое на АУ давление распространяется также и на целые СРО, в которых они состоят. Законодательство в отношении компенсационного фонда СРО, из средств которого частично или полностью закрываются понесенные отдельными АУ убытки, ужесточилось в этом году его размер составляет 50 млн руб., и он минимальный.

Легко представить себе картину, при которой какой-нибудь системный, да и просто озлобленный кредитор, у которого возникает желание насолить или отомстить СРО, подает в нескольких делах о банкротстве ряд исков о привлечении к ответственности АУ из этой СРО. Если такие иски будут удовлетворены, это похоронит не самих АУ, но целое СРО, в которых они состоят, так как после опустошения компенсационного фонда ни один АУ не захочет сидеть

зависать заново на его восполнение — скорее он предпочтет выйти из своего СРО и перейти в некое другое. Никто пока не использовал этот инструмент на рынке, но описываемая ситуация вполне реальна.

Отдельно хотелось бы отметить то легкое недоумение, которое вызывают в глазах наших зарубежных коллег историю российских дел о банкротстве и события из жизни российских АУ. Удивление, которое они испытывают, когда слышат о российском институте банкротства и роли АУ как субъекта, вызвано тем, что в западных юрисдикциях роль АУ глубоко и полностью зарегулирована, а само дело о банкротстве носит технический, или, я бы даже ска-

зал, технологический, характер. В рамках указанных дел в зарубежных юрисдикциях существует жесткий, давно выработанный и урегулированный законом алгоритм, исключая шаги управляющего вправо или влево. И оттого российский юрист в глазах западных коллег представляется неким аналогом американского Дикого Запада, когда каждый может найти свой Клондайк и разработать золотую жилу, которая принесет ему богатство. И, конечно же, западные коллеги крайне редко получают максимальное вознаграждение за ведение процедуры или дополнительные бонусы — к исключениям можно отнести разве что крупнейшие банкротства напо-

добие Lehman Brothers, по которому вознаграждение управляющего было сопоставимо с теми, что получают российские АУ, входящие по данному критерию в топ-10.

Возможно, дискутировали коллеги в рамках проводимого под эгидой ПМЮФ бизнес-завтрака, к 2025 году в наших делах о банкротстве завершится эпоха Дикого Запада и начнется эпоха технологичного, глубоко зарегулированного, как в западных юрисдикциях, процесса, когда перед началом процедуры кредиторы будут понимать размер возможного возврата на свои долги, а подзрения управляющих в предвзятости перестанут существовать. С одной стороны, такой рынок станет скучнее, а с другой — обретет прозрачность, понятность и минимальный уровень злоупотреблений.

Что касается изменившейся за последние пять-семь лет роли АУ и необходимых ему рабочих компетенций, то тезис, который кажется здесь уместным, звучит так: «Раньше было значительно проще». Расшифровка тезиса такова: сегодня судебная практика, законы, да и просто общие правила работы АУ, предусматривают наличие у него знаний и практических компетенций по целому ряду отраслей: юриспруденции, бухгалтерии, налогов (причем налогов — обязательно!) и даже (насколько бы смешным это ни казалось) особенностей расчетно-кассового обслуживания, поскольку очередность удовлетворения, да и в принципе проведение банковских платежей, вне и внутри рамок дела о банкротстве сильно отличается. Несколько лет назад еще возможно было представить ситуацию, при которой АУ работали в одиночку, но текущая судебная практика значительно ужесточила требования к ним. Сегодня даже отменный опыт и обширный багаж знаний не гарантируют безошибочной работы.

Пять-семь лет назад АУ, которые действовали самостоятельно, успешно «перевалявали» довольно крупные производственные предприятия с несколькими сотнями рабочих, поскольку урегулированность возмозможных негативных для арбитражника последствий (например, убытков или жалоб на бездействии) была ниже. Сегодня же АУ объективно не сможет справиться в одиночку с большими предприятиями. Все это

привело к появлению групп, представляющих собой инфраструктурную базу для деятельности АУ. В них входят юристы, специализирующиеся на соответствующих делах, бухгалтеры с обязательным опытом работы в условиях банкротства, специалисты по аудиту и финансовому анализу, поскольку за последние годы возросло количество ключевых документов, на которые внимательно смотрят суд, кредиторы, Росреестр и ФНС как мегакредитор. Не обойтись и без оценщиков — на сегодняшний день споры вокруг стоимости актива, выставляемого на продажу в рамках дела о банкротстве, являются вторым основным видом споров после непосредственного определения кандидатуры АУ. Если мы говорим о некоем работающем предприятии (особенно том, вокруг которого сложился конфликт любого рода), то наличие охранных мощностей (ЧОП) в инфраструктурной базе является обязательным. Не обеспечить сохранность — ответишь за это убытками.

Как показало время, все эти специалисты сплачиваются вокруг АУ, выступающего в роли временного генерального директора. Иными словами, за последние годы рынок резко укрупнился, двигаясь от специалистов-одиночек — пусть даже и самородков — в сторону вертикально интегрированных нефтяных компаний. Однако история показывает, что на любом рынке укрупнения подобного рода чаще всего обеспечивают этому рынку повышенный интерес государства и жесткую урегулированность законами или иными методами, в том числе со стороны правоохранительных органов. Со временем эта зарегулированность приводит к тому, что рынок перестает быть перспективным и привлекательным для работы.

Иными словами, мы движемся по пути консолидации и укрупнения игроков на рынке дел о банкротстве. Возможно, это приведет нас к уже упоминавшемуся 2025 году — к ситуации, когда рынок будет урегулирован настолько, что, как и в западных юрисдикциях, станет нести чисто техническую функцию, и мы придем в светлое будущее без злоупотреблений в этой области права.

Арбитражное стояние

— реформа —

Совет совету рознь

4 апреля состоялось первое в 2019 году заседание совета, по итогам которого в России появятся два новых ПДАУ. Так, рекомендацию получили Гонконгский международный арбитражный центр (Hong Kong International Arbitration Centre, GMAIC) и учрежденная Олимпийским комитетом РФ (ОКР) АНО «Спортивная арбитражная палата» (САП). До них это удалось лишь ПДАУ при РСГП и Российскому арбитражному центру в марте 2017 года. Это уникальное событие, поскольку после реформы рынка всем остальным заявителям было отказано, как случилось, к примеру, с третьим кандидатом на недавнем заседании совета АНО «Центр арбитражного разбирательства», при котором создан Сибирский третейский суд (СТС). Следующее же заседание совета планируется провести в рамках IX Петербургского международного юридического форума, но на нем заявки НКО рассматриваться не будут.

«Если региональный арбитраж имеет дом — это Азия»

Первым совет рассмотрел заявление GMAIC. Совет в сентябре 2018 года уже проводил заочное заседание по вопросу о выдаче рекомендации этому центру, но голосование не состоялось из-за отсутствия кворума (см. «Б» от 27 сентября 2018 года). Институцию на заседании представляла его генеральный секретарь Сара Гриммер. Она сообщила, что ее арбитражный центр был создан в 1985 году и за все время своего существования рассмотрел свыше 10 тыс. споров между компаниями из 40 стран мира (даже между лицами с Британских Виргинских и Каймановых островов) на \$7 млрд.

Любопытно, что из них — лишь два спора между российскими лицами, а еще четыре с участием российских компаний находятся сейчас на стадии рассмотрения. Больше чем в 70% дел участвуют иностранные лица, а процент отмен его решений ничтожно мал — всего па-

ру в год. Выяснилось, что средняя продолжительность рассмотрения спора — 14 месяцев, а наиболее часто применимое право — гонконгское, английское и китайское.

По словам госпожи Гриммер, центр входит в белый список Global Arbitration Review, занимает высокие позиции в рейтинге Queen Mary University of London. Институту одним из четырех крупнейших в мире арбитражей, поэтому вопросов к репутации центра у членов совета не возникло. Оказалось, что планов открывать представительство в России у GMAIC нет, но даже сейчас у него в списке уже есть 35 русскоговорящих арбитров. В итоге, как сообщил председатель совета и замминистра юстиции Денис Новак, положительное решение было принято подавляющим большинством голосов: 44 члена совета заявку одобрили, лишь 2 были против. Таким образом, GMAIC стал первым мировым арбитражем, получившим официальный статус в РФ.

Суд спортивных

Вторым успешным кандидатом стала САП, при которой создан Национальный центр спортивного арбитража (НЦСА). Его представляла, пожалуй, самая внушительная команда: глава правового управления ОКР Александра Бриллиантова, ректор МГЮА им. О. Е. Кутафина Виктор Блажеев и президент Международной федерации спортивной стрельбы миллиардер Владимир Лисин. О намерениях данного арбитража подать заявку также было известно давно, но центр столкнулся с проблемой формирования списка арбитров, поскольку попал под перекрестные требования законов «Об арбитраже» и «О физической культуре» (см. «Б» от 25 мая 2018 года). В результате удалось собрать 30 арбитров, из которых одна половина — спортсмены и тренеры, а другая — юристы.

Госпожа Бриллиантова сообщила, что ранее действовавший в России Спортивный арбитражный суд рассмотрел свыше 150 дел за 14 лет, а создать новый центр необходимо, чтобы споры российских спортсменов перевести из иностранных судов в отечественный. Она убеждена, что тем самым снизится стоимость рассмотрения споров (в спортивном суде Лозанны она начинается от €10 тыс.) и длительность процесса, а также повысится защищенность наших спортсменов. Кроме того, создание спортивного арбитража предусматривается законом «О физической культуре».

НЦСА планирует рассматривать споры спортсменов, тренеров, клубов, лиг, спортивных федераций, трудовые конфликты, вопросы наложения санкций, допуска к соревнованиям, а также допинговые дела. Одной из главных особенностей этого арбитража, по словам Александры Бриллиантовой, будет являться скорость рассмотрения дел — это крайне важно во время проведения соревнований. В результате серьезных претензий у совета не оказалось, и заявку НЦСА одобрили 45 голосами (возразил один член совета).

Опрошенные «Б» юристы в целом приветствуют решение совета выдать новые рекомендации, но сдержанны в комментариях. Партнер юридической фирмы Quogus Евгений Жилин считает, что появление двух новых ПДАУ — это «шаг в

правильном направлении», и надеется, что он далеко не последний: «Хотелось бы, чтобы на этом процесс не останавливался — как минимум еще пару десятков достойных институций в стране есть». Наверное, продолжает господин Жилин, стоит это событие воспринимать «с осторожным оптимизмом», поскольку два новых ПДАУ ни на доступность третейского разбирательства в целом, ни на экономику не повлияют.

Такой же позиции придерживается старший юрист юридической фирмы Norton Rose Fulbright Андрей Панов: «С точки зрения репутации к этим ПДАУ вопросов быть не может. Однако на повышении доступности арбитража в России их появление не отразится, поскольку Гонконгский арбитраж довольно дорог, а спортивный — слишком узкоспециализированный». При этом господин Панов надеется, что на рынке российских арбитражных учреждений наконец-то усилится конкуренция.

Сибирская интрига

Единственным претендентом, чьи результаты формально не были изначально известны, стал СТС. Представитель его председатель СТС Михаил Морозов рассказал, что суд был основан в 1993 году в Новосибирске, рассматривал по 300–600 дел в год, из которых отменялось одно-два решения ежегодно. Суд, по его словам, с самого начала сделал ставку на репутацию и независимость, был сконцентрирован на рассмотрении региональных споров малого и среднего бизнеса. Впрочем, деятельность СТС из-за реформы пришлось прекратить в 2017 году, хотя претензий со стороны клиентов или госудсов не было, как и обвинений в злоупотреблениях.

«Арбитраж не должен оставаться доступным только крупному бизнесу. 24 года работы без нареканий — это свидетельство наличия репутации. Исходя из формальных параметров, закону мы соответствуем, так как за полтора года проверок все мысленно и нематериальные недостатки устранены», — убеждал Михаил Морозов членов совета. Обращение в Минюст за разрешением для господина Морозова стало уже шестым по счету — до этого года документы ему возвращали. Но, как следует из подготовленной Минюстом справки для членов совета, ведомство выявило

информацию на сайте СТС о возможности администрирования споров в режиме ad hoc, что, согласно последним поправкам, противоречит закону «Об арбитраже». Кроме того, в очередной раз были замечания и к самим правилам ПДАУ. В итоге за проголосовали лишь 9 членов совета, 35 были против.

Напомним, Центр арбитражного разбирательства активно защищал свое право и дальше заниматься рассмотрением споров. Сначала им был подан иск в Дзержинский районный суд Новосибирска о признании незаконным возврата документов и обязанности передать их на рассмотрение в совет. Затем поступил иск к Минюсту в Замосворецкий суд Москвы об оспаривании требований, предъявляемых к документам (см. «Б» от 1 ноября 2017 года). Потом — заявление в ФАС о нарушении закона «О защите конкуренции», касающееся совершения Минюстом, ТПП РФ и Российским институтом современного арбитража противоправных согласованных действий по ограничению конкуренции, приведших к невозможности допуска новых игроков (см. «Б» от 19 июня 2018 года). Все три жалобы оказались неудовлетворенными.

Арбитр и главный редактор журнала «Третейский суд» Ллеб Севастьянов говорит, что за ситуацией с СТС с нескрываемым интересом следил представитель многих арбитражных центров. «Несмотря на фактически предпринятый отказ, прояснить реальность, раскрыть глаза, лишить себя возможных надежд и иллюзий было необходимо. Теперь все встало на свои места, но интересно другое. По всем показателям СТС — региональный лидер третейского сообщества. Но он в основном не был поддержан теми членами совета, для которых до третейской реформы арбитраж являлся «юридической черной дырой» в нашей правовой вселенной», — поясняет господин Севастьянов. Ради какой идеи, продолжает он, «совет лишает регионы и местный малый бизнес» возможности использовать альтернативные механизмы разрешения споров? «Добро получают лишь арбитражные центры федерального уровня, которым по силам создать «арбитражные бутики», но насколько они необходимы в регионах России?» — подытоживает Ллеб Севастьянов.

Андрей Райский

Структурирование сделок в России и за ее пределами, правовое сопровождение управления капиталом и сейчас являются одной из первоочередных потребностей в бизнес-среде.

У людей, доверяющих нам представительство своих интересов, должна быть ясная юридическая перспектива их инвестиционной деятельности и деловых отношений как в России, так и за рубежом.

Кроме того, в России и восточноевропейском регионе в целом сформировалось поколение собственников и предпринимателей, которым предстоит передать детям свои активы. Речь идет не только о недвижимом имуществе, но и о сложных схемах корпоративного участия, сочетаниях вещных и обязательственных прав.

С учетом динамики геополитических условий комфорт крупного капитала зависит от тонкой, порой ювелирной стратегии юристов, которую мы строим для каждого клиента.

Собирая, как конструктор, желания бенефициаров, обстоятельства их жизни, бизнеса и законодательное регулирование, наши лучшие юристы создают лучшие решения.

Результат работы нашей команды индивидуален для каждого проекта и надежно защищает интересы клиента. Это «штучный» товар, поэтому мы не бываем в состоянии «поиска клиентов», они сами нас находят и остаются.

Доверие клиентов — наш главный актив, юридический бизнес строится на доверительных отношениях и конфиденциальности. В нашем случае конфиденциальным останется все, даже цвет галстука клиента.

Андрей И,
управляющий партнер

